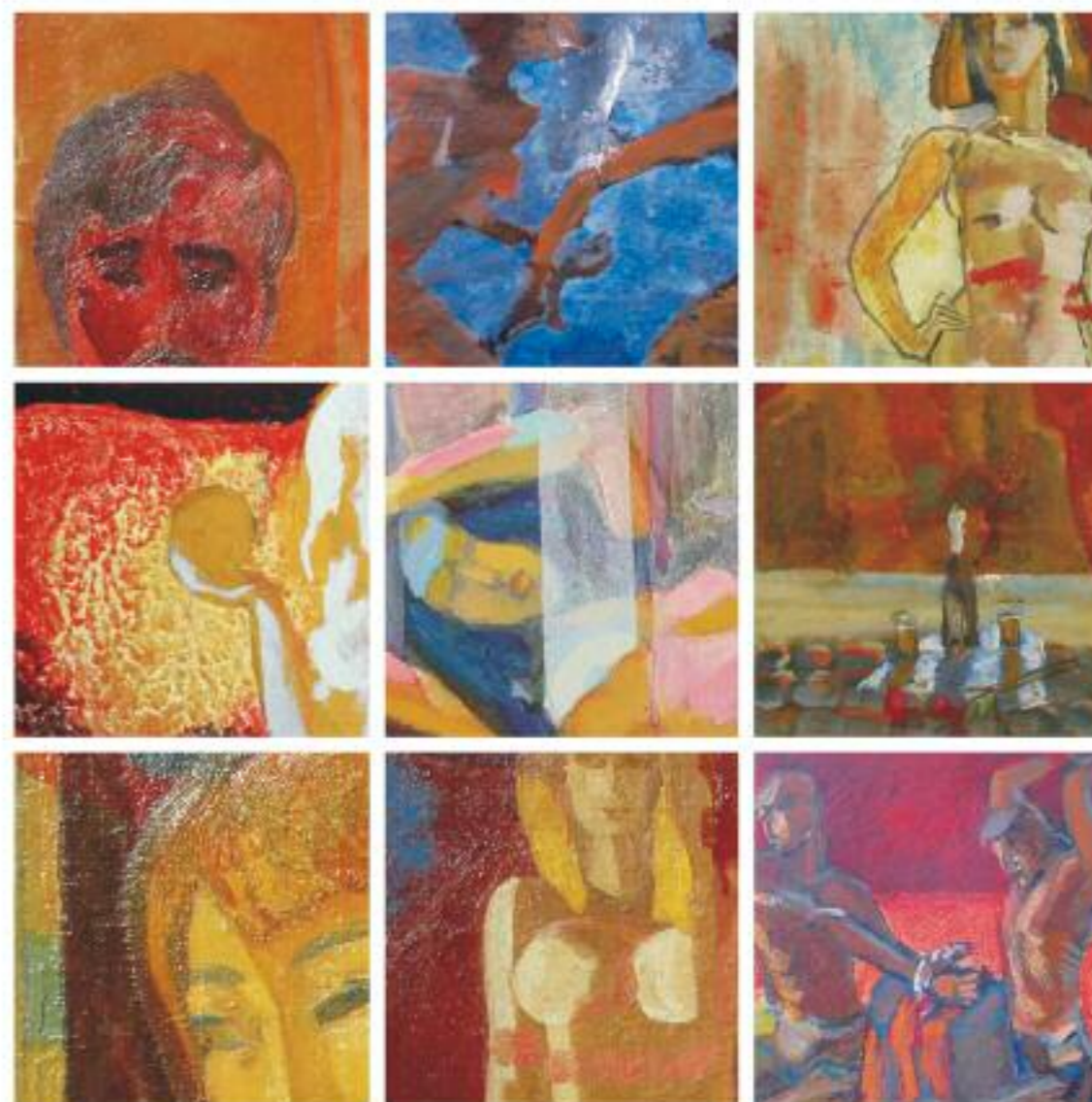

Станислав СЫЧЕВ

ОДИНОКИЙ бунтарь

Формулировка «второй московский авангард» принадлежит художнику Михаилу Гробману. Умница, всезнающий, всё читающий искусствовед и художник Сергей Князев мгновенно определил возможность переориентировать это определение и ввел в искусствоведенье, краеведение понятие «второй одесский авангард».

Можно смело утверждать, что у истоков второго одесского авангарда стоял Олег Соколов, можно и нужно помнить о зарождении группы «нонконформистов» в квартире Александра и Риты Ануфриевых, но жест, внятный, откровенный, прозвучавший как пощечина официальному Союзу художников, был сделан двумя, тогда молодыми, ху-

дожниками, навсегда вписавшими свои имена в историю искусства нашего города (а сейчас уже ясно, что всего тогдашнего Советского Союза) – Станиславом Сычевым и Валентином Хрущом – в тот самый день, когда они в 1967 году развесили на заборе вокруг Оперного театра – там шел ремонт – картины, не принятые выставкомом на официальную выставку.

«Сычик + Хрущик».

Уже нет среди нас ни Валика Хруща, ни Славы Сычева. Очень разные в то мгновение истории, они дополняли друг друга. Сычев монументально, как скифская баба, сидел на ступеньках ЗАГСа, а легкий, моторный Хрущ бегал к телефону-автомату – звонил знакомым,

звал на это, немыслимое по тем временам зрелище.

Но, главное, не поведение художников, а картины. Что испугало в них выставком? Лирические натюрморты Хруща, женские портреты Сычева, вроде бы, не несли никакой крамолы. Но тогдашние вершители судеб особым нюхом чуяли, что слишком много свободы позволили себе молодые художники...

Недавно в Музее современного искусства состоялась большая выставка работ Валентина Хруща, вышел альбом, посвященный его творчеству. Станислава Сычева, его место в истории одесской живописи, еще предстоит осознать. И оценить. Этому должна содействовать и выставка, которую проводит Музей современного искусства Одессы.

Пользователи Интернета знают, что многие тексты сопровождают «тэги» - ключевые слова, по которым можно найти нужную информацию. К этой статье я бы поставил: Бунтарь, Одиночество, Талант, Нежность и Ярость. Если кому-то покажется, что уже в этих словах есть противоречие, они будут правы. А кто когда сказал, что талант не соткан из противоречий, из бури и натиска?..

Станислав Сычев окончил Одесское художественное училище. Не все его друзья тех лет выдерживали эту муштру, многие уходили после первого, второго курса. По воспоминаниям Дины Михайловны Фруминой мы знаем, что «Сычев развивался семимильными шагами и к окончанию училища был уже вполне сложившимся художником». Окончил училище он в 1960 году. Но, защитив диплом, понимал, что в первый раз согрешил против искусства, что путь, намеченный в училище, для него – тупиковый. Уже в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов для него эталоном свободного искусства, плавной линии, насыщенного цвета стал Поль Гоген.

Помню, как-то в начале шестидесятых годов пришел ко мне в гости, на Кузнечную, Слава Сычев с поразительно красивой восточной красавицей, своей женой-корейкой. Меня, знавшего русскую поэзию, поразило вчувствование Сычева в Верлена, Бодлера, Рембо. «Цветы зла» он знал наизусть, сопоставлял этих поэтов с Гогеном, провидел свой путь в поисках неразгаданной Азии как своего Таити.

И когда в конце 60-х годов я увидел большую (по тем временам) выставку Станислава Сычева в Союзе писателей, на Пушкинской, то ощутил, насколько четко выстраивает

свой путь художник. Здесь были и декоративные пейзажи, привезенные из Средней Азии, и трагические, не побоюсь этого слова, картины-предчувствия, переосмысленный опыт французских «проклятых поэтов». Это и «Бык», как бы рушащий мир корриды, и «У окна» - одиночество человека, распластанного между прошлым и будущим.

Если бы можно было одним словом выразить впечатление от той выставки, я сказал бы - крик. Это не был крик с просьбой о помощи, это было предчувствие безнадежности..

Тогда, на выставке в Союзе писателей, состоялся разговор. Помню выступления Владимира Домрина, Александра Батрова. Их испугала бескомпромиссность выставки, они уговаривали художника найти «конструктивное начало». И только Игорь Неверов спокойно произнес, что предельная искренность делает эту выставку событием, пройдут годы, и об этом вернисаже вспомнят как о вернисаже большого мастера.

Мне запомнилось, как Сычев объяснял писателям многообразие толкований красного цвета. Тогда от него я впервые услышал об Александре Волкове, всю жизнь прожившем в Ташкенте, чью экспрессивную «Красную чайхану» Слава сравнивал с декоративной «Красной комнатой» Матисса. И это было выступление не только художника-профессионала, но и философа.

Путь Станислава Сычева был путем оппозиции к официальному искусству. Не политической оппозиции, а эстетической. Именно поэтому он участвовал во многих «квартирных» выставках. Не отказывался, если была возможность выставить свои картины в Союзе художников, более того, один раз даже состоялась выставка четырех – Алексея Лопатникова, Люсьена

Дульфана, Владимира Стрельникова и Станислава Сычева. Но если выставка на заборе просуществовала три часа, то выставка в Союзе художников три дня. Ее закрыли как «декадентскую». По словам Сычева, единственный, кто возражал против этого из членов правления, был Александр Ацманчук.

И вот, представьте себе, последующие двадцать лет – ни одной официальной выставки. И это для художника, который работал, как раб на галере, создавая за месяц до десяти картин. Нужно ли удивляться, что иногда в приступе тоски и безнадежности, в состоянии ярости он собственноручно уничтожал свои работы. Нужно ли удивляться, что с такой же частотой, как в мастерскую, он приходил в бар гостиницы «Красной», ставший в те годы местом обитания многих одесских художников...

Может быть, если бы он в эти годы жил среди единомышленников, ему легче было бы переносить неостребованность. Но так не случилось.

Сейчас, спустя годы, бессмысленно выяснять, кто, в чем был виноват. Не каждый художник понимает, что его путь в искусстве не закон для других. Думаю, так и произошло со Станиславом Сычевым, когда его товарищи не утвердили, а художественный фонд не оплатил какую-то его заказную монументальную работу (в те годы это была чуть ли не единственная возможность заработать деньги), но одни относились к «монументалке», как творчеству, другие как подвалившей «халтуре». Правы по-своему были все, так как ставили перед собой разные цели. Станислав Сычев уже и по эстетическим, и по этическим разногласиям отказался от общения. Ушел в отшельничество.

Одинокий бунтарь. Как примета

города, как знак времени, это восхищало многих. Но как это страшно, если представить, во что превращалась жизнь художника.

Какими были его картины этого времени?. Помню серию работ – около десяти – маслом, акварелью, углем – «В трамваях». Люди, униженные обществом, люди, над которыми измывается даже техника, одинокие в толпе. И ряд работ с красными флагами. Слалом среди флагов, на другой – древки от флагов, вбиваемые в землю. Почти карикатурное восприятие мира, но написано мощно, особенно «Трамваи». Как всегда, цвет говорит больше, чем сюжет...

Часть из этих работ мы увидели в 1989 году на выставке в Музее западного и восточного искусства. Случилось чудо – Олег Соколов и Вениамин Млынчик предложили Сычеву за два дня подготовить выставку. То ли директор ушла в отпуск, то ли сорвалась запланированная экспозиция, то ли изменившийся в перестройку климат, важно другое: Слава привез в музей грузовик картин. Чудо состоялось! Он стоял у входа на выставку, как всегда, в лохматом свитере, а за спиной у него - три зала превосходных работ...

24 октября 1989 года я опубликовал в «Вечерней Одессе» диалог с искусствоведом Людмилой Сауленко, первый появившийся в печати материал о 52-летнем мастере. Приведу несколько абзацев из своего текста. И потому, что и сегодня мог бы подписаться под ним в целом, и потому, что вокруг этих строк у меня возник разговор со Станиславом.

«Мне кажется что в основе живописных уроков Станислава Сычева – французская живописная школа конца XIX-начала XX века... Ведь

Восток, японцы, к примеру, воздействовали и на постимпрессионистов. Я гляжу на картины Сычева и вижу, насколько важно было для него «переболеть» Гогеном и Тулуз-Лотреком, чтобы, осознав путь, прийти к самому себе, к монументализму и лирике, сплавленным воедино, к жесткому неприятию мира и отчаянной любви к нему же, потому что от этого мира – нравится он или не нравится – никуда не уйти. И еще – у Сычева действительно есть литературные, культурные ассоциации. И картина «О Шекспире» - яркий пример. Но в целом, я в его живописи вижу больше обращений к миру духа, чем к миру искусства. Но вот в отличие от очень многих своих товарищей по училищу, по творчеству, он не старался создать образ «своей Одессы». У него есть Город, который ему кажется жестоким и манящим одновременно. Это не продолжение «одесской школы», а отражение его жизни, борение с тем временем, тем миром, который мы сейчас определяем как «застой»...

Поэтому повторяю: агрессивная живопись и картины-крики. Да, это не умиленное отражение красот природы. Это столкновение личности со средой, отвергающей эту личность. Причем, мне кажется очень важным еще и то, что в живописи С.Сычева откровенно присутствует мужская мощь, мужское начало. В то время, как все наше искусство проповедовало под видом нравственности некую бесполость, Станислав Сычев, отнюдь не создавая эротиче-

ское искусство, внятно заявлял эту силу, которой мы так восхищаемся в живой природе».

Через несколько дней в подвале музея, в «мастерской» Олега Соколова, мы отмечали открытие выставки. Слава протянул мне газету, где были выделены эти слова. «Я скоро умру, - сказал могучий красавец Сычев, и я улыбнулся. – Не улыбайся, обещаю, что в книге обо мне ты повторишь эти слова».

А потом у С.Сычева были еще выставки - в том же музее, в галерее «Мост». Но тогда казалось, что все это только подступы к главной выставке. Тогда трудно было представить, сколько его картин разошлось по частным коллекциям всего мира. И сколько он уничтожил.

В 2003 году, в возрасте 66 лет, не стало самого художника.

И все же приходит время собирать камни, собирать картины. Когда-то в трогательной статье о Станиславе Сычеве, о легенде вокруг его имени, искусствовед Ирина Тимохова процитировала точный афоризм Ганса-Христиана Андерсена. Позволю себе напомнить его читателям:

«Трудно жить после смерти. Иногда для этого необходима вся жизнь».

Без названия
| 1975 | картон/см. техника | 31x21,5 | из коллекции семьи художника

Без названия
| 1975 | картон/см. техника | 30x26,5 | из коллекции семьи художника

Без названия
| 1973 | картон/масло | 22x20 | из коллекции семьи художника

Этюд к картине «Усталый вечер»
| 1973 | картон/масло | 51,5x36,6 | из коллекции семьи художника

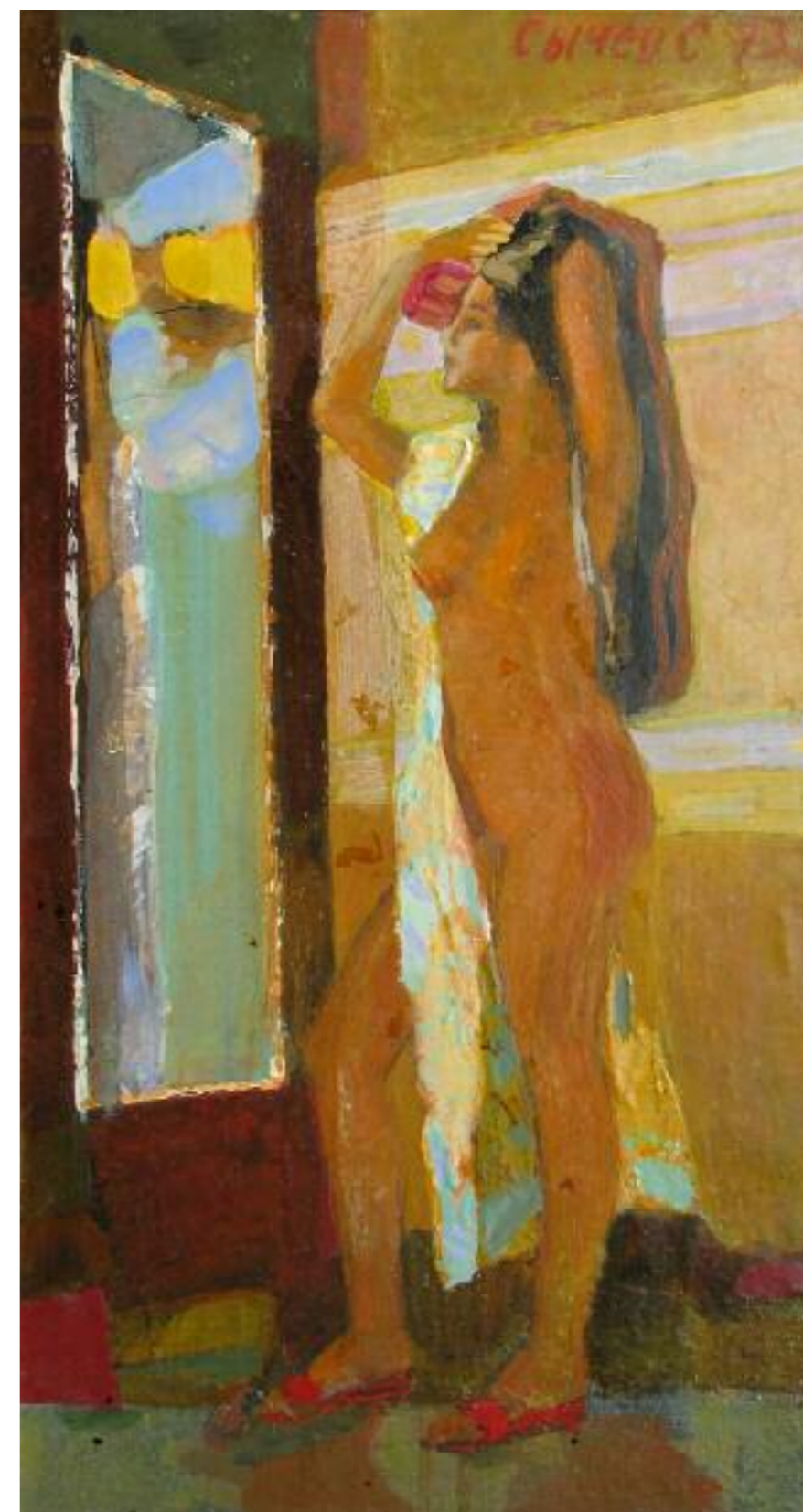
Разговор
| 1973 | фанера/картон/масло | 37,5x26 | из коллекции семьи художника

Любимый город
| 1993 | картон/масло | 60x85 | из коллекции семьи художника

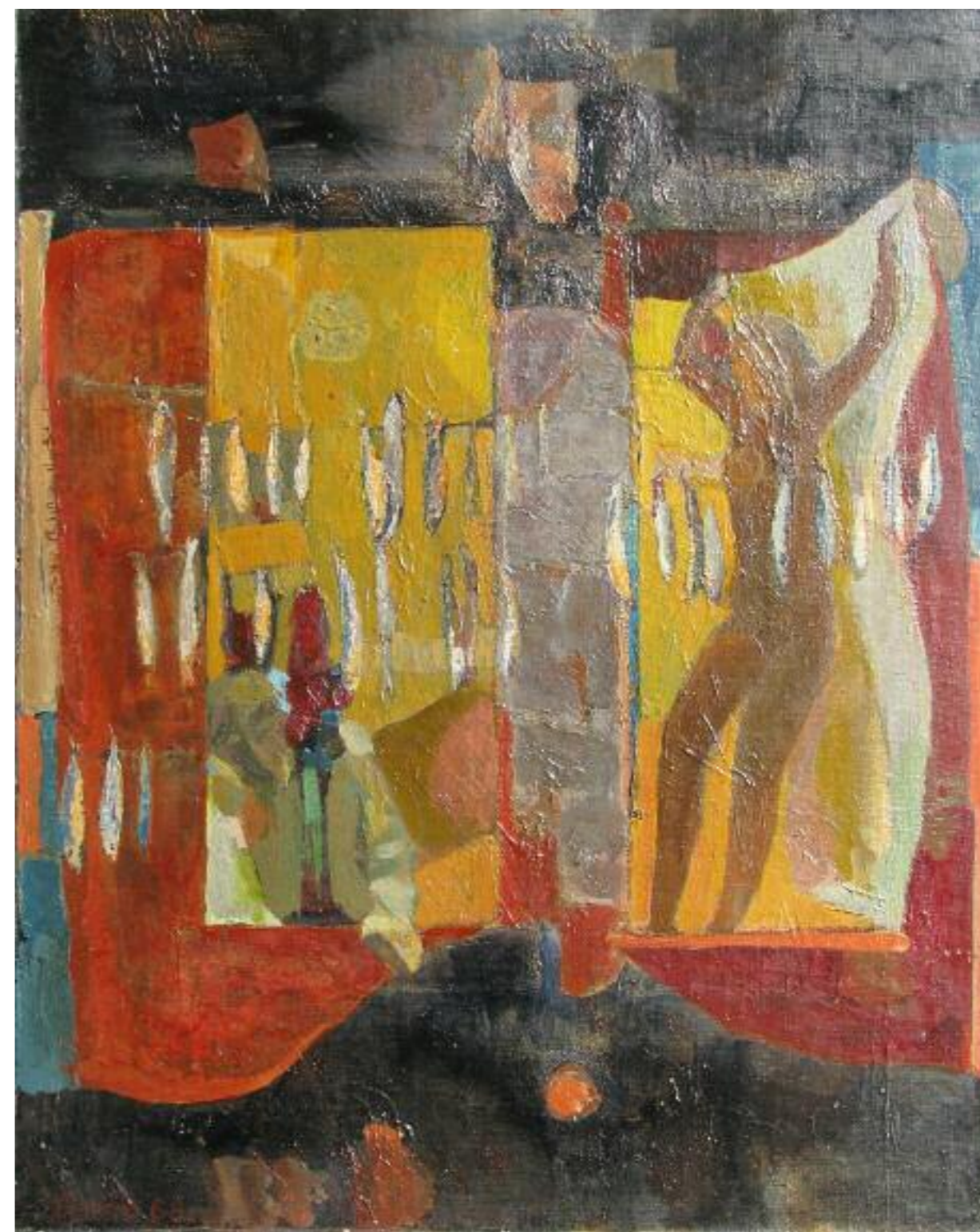
Мальчик на берегу
| 1991 | картон/масло | 38,5x40 | из коллекции семьи художника

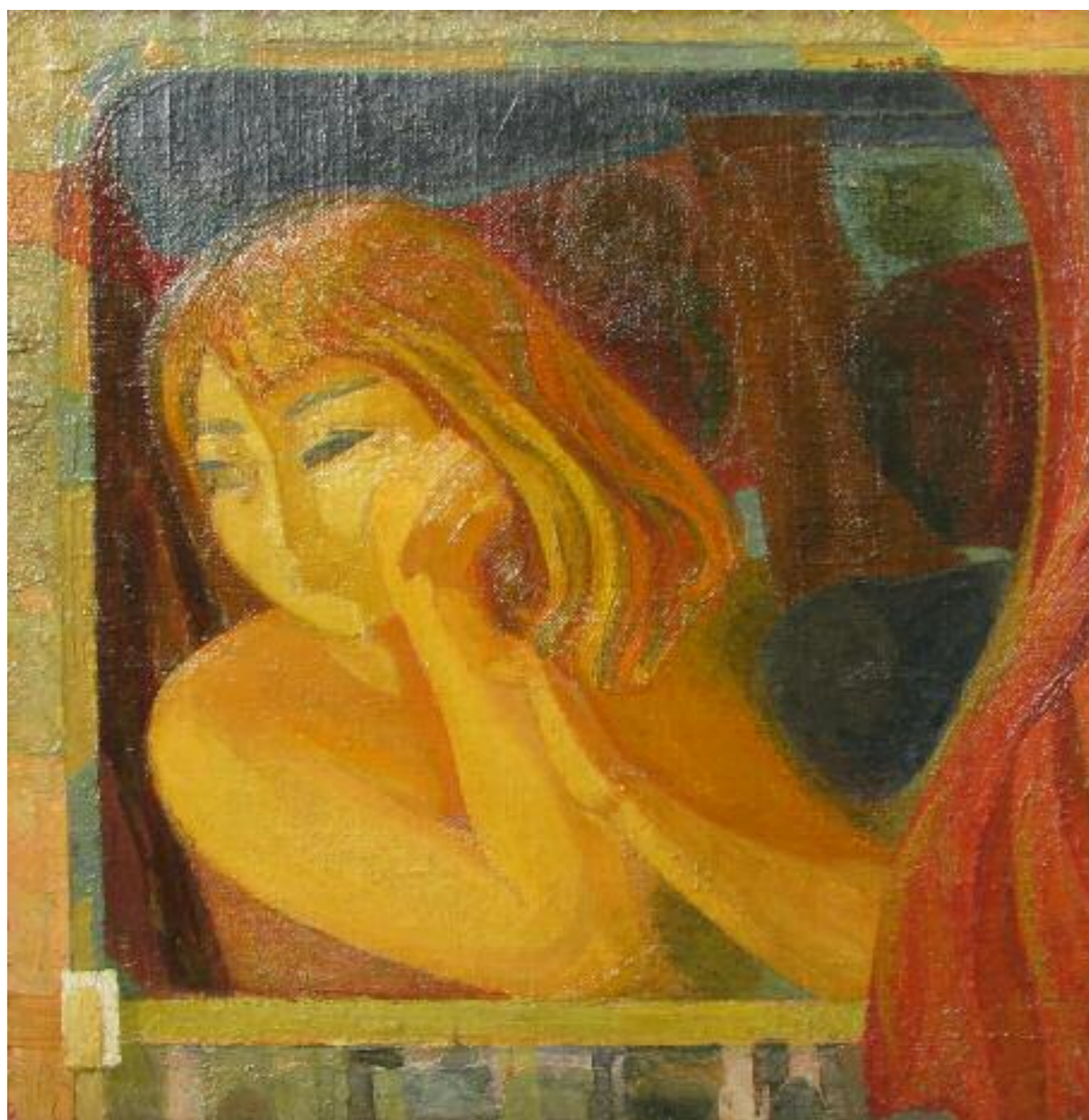
У зеркала
| 1973 | картон/масло | 49x27 | из коллекции семьи художника

Девушка в шляпе у стола
| 1987 | холст на фанере/масло/темпера | 75x54 | из коллекции семьи художника

Одесские окна
| 1968 | холст на фанере/масло | 70x55 | из коллекции семьи художника

Белая ворона
| 1968 | холст на фанере/масло | 83,5x83 | из коллекции семьи художника

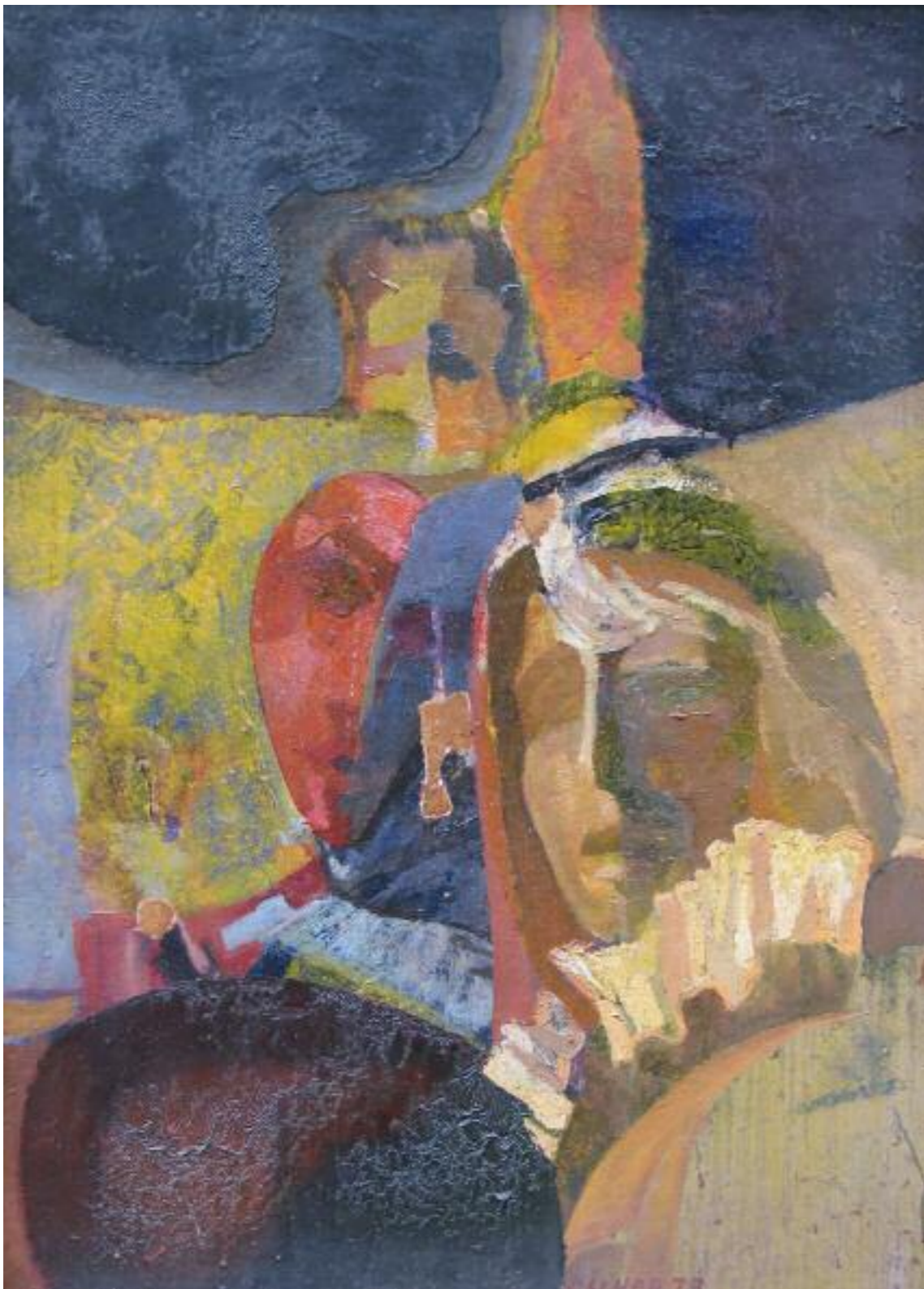
Виктория
| 1998 | масло/темпера/холст на картоне | 66x53,5 | из коллекции семьи художника

Автопортрет. Одиночество.
| 1973 | картон/масло | 88,5x70 | из коллекции семьи художника

Игра на губной гармошке
| 1978 | картон/масло | 90x70 | из коллекции семьи художника

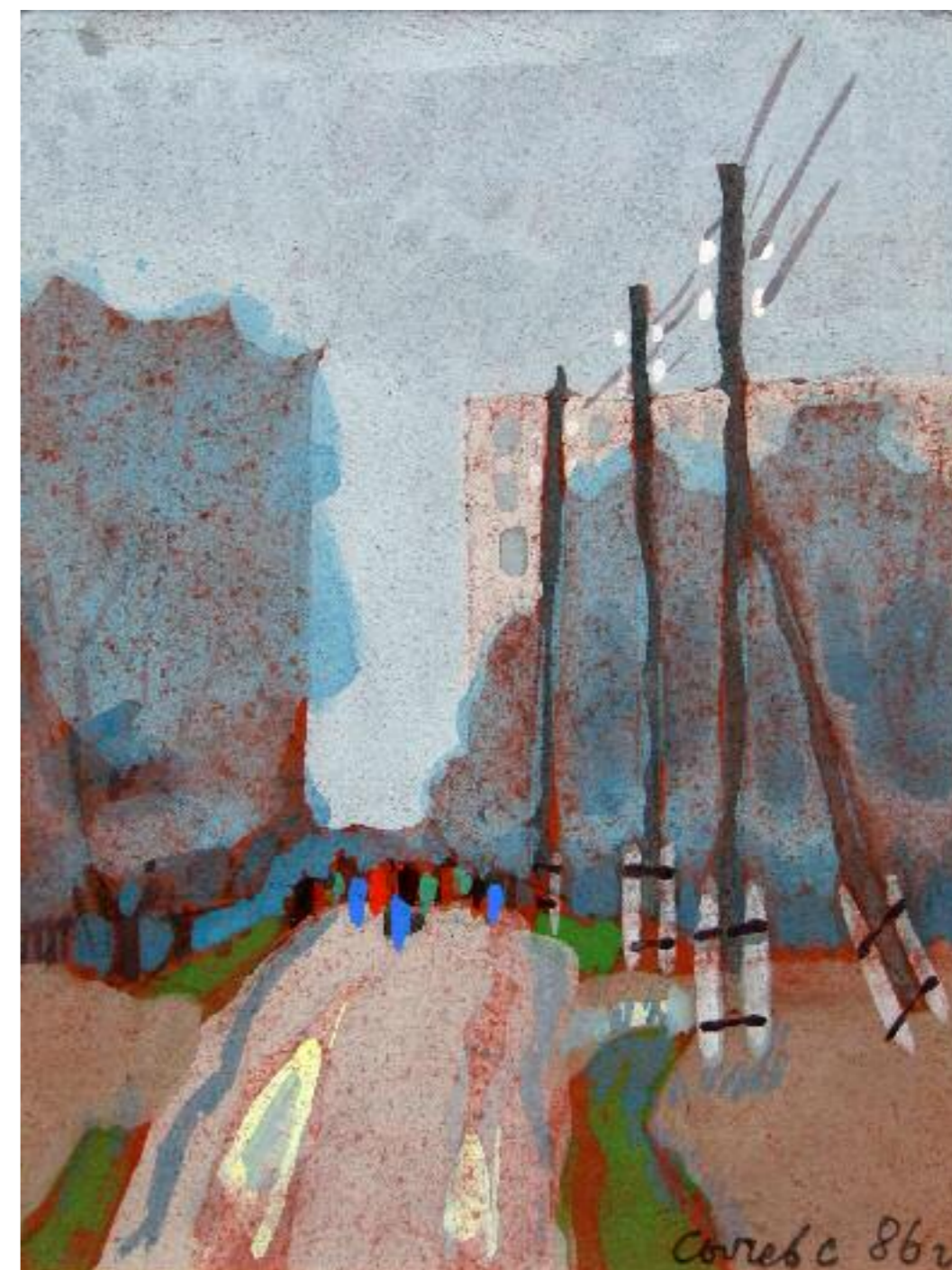
Гамлет
| 1973 | холст/масло | 83x60 | из коллекции МСИО

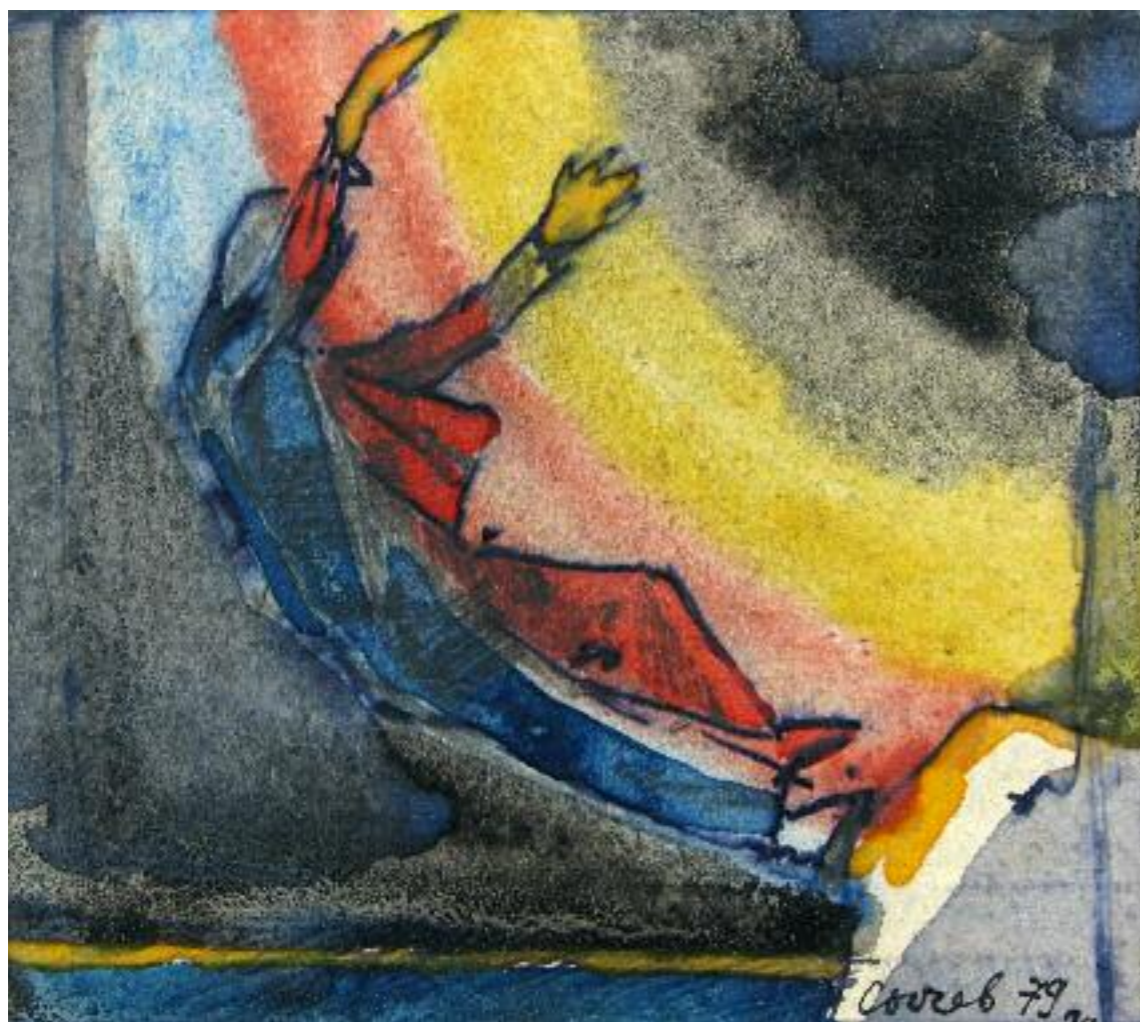
Женский портрет
| 1968 | фанера/масло | 39x70 | из коллекции МСИО

Портрет жены
| 1962 | бумага/тушь | 40x28 | из коллекции МСИО

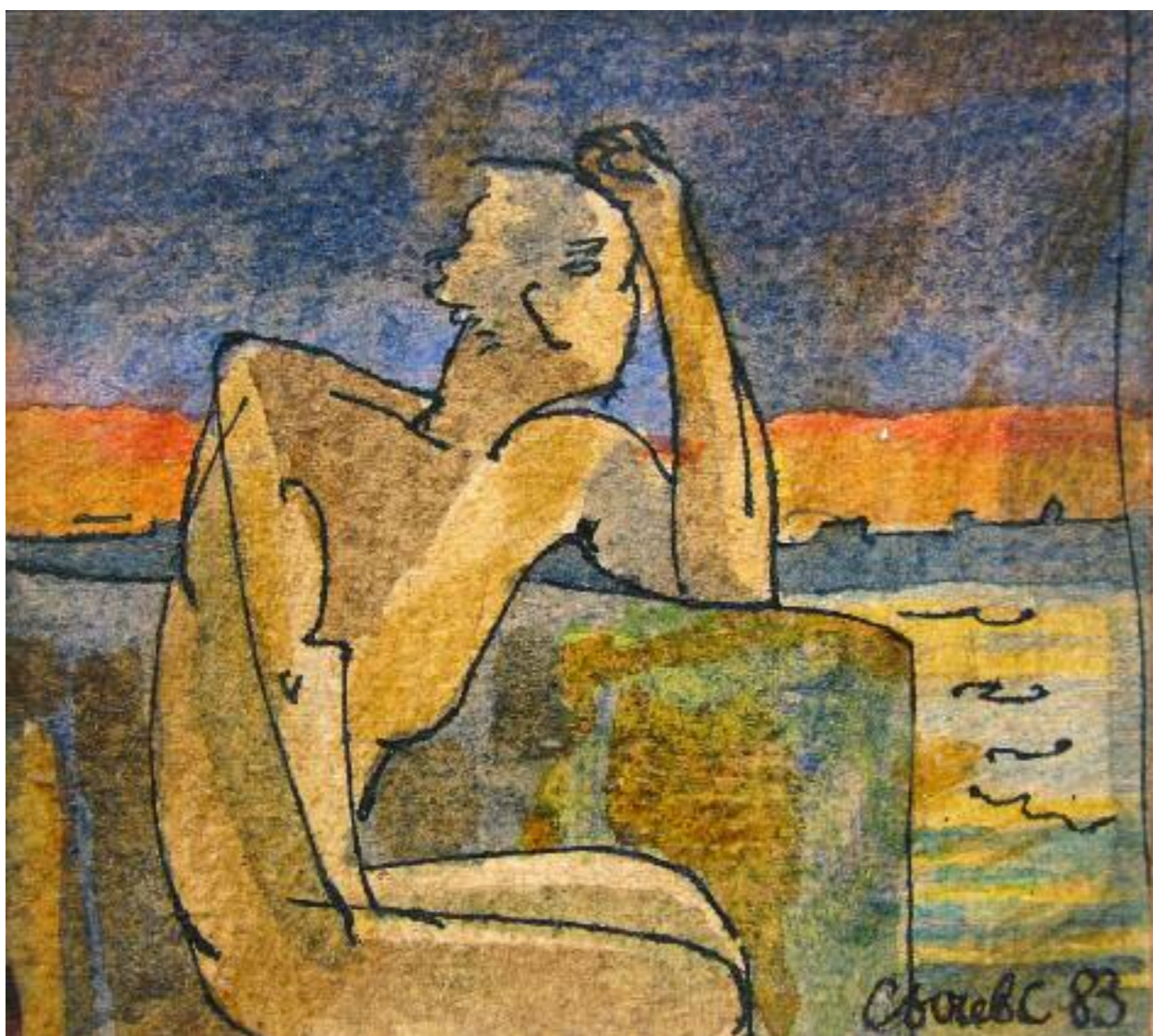
Без названия
| 1986 | бумага/акварель | 39x70 | из коллекции семьи художника

Без названия
| 1979 | бумага/акварель | 11,3x11,4 | из коллекции семьи художника

Без названия
| 1966 | бумага/тушь | 12,5x15,5 | из коллекции семьи художника

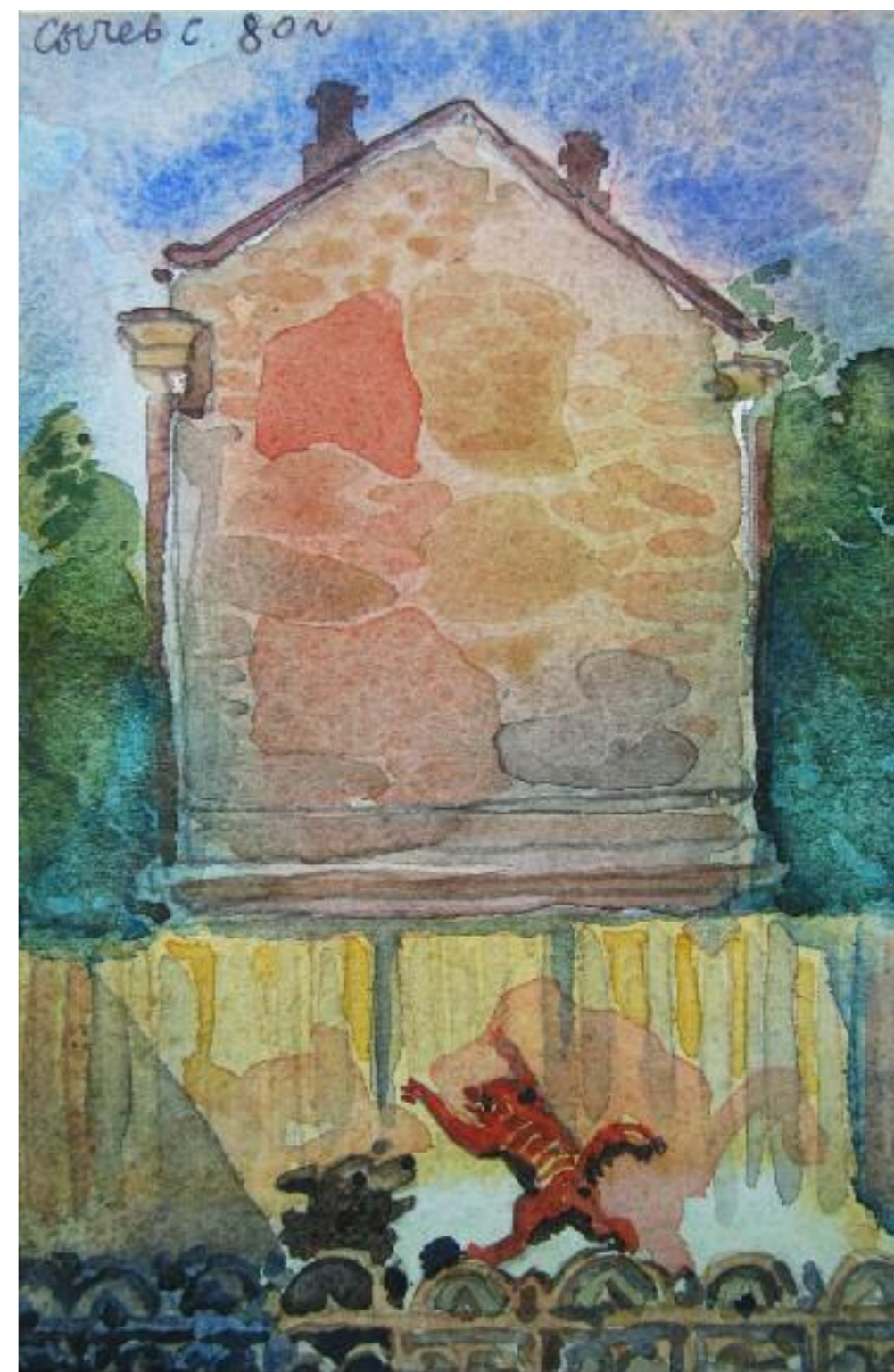
Без названия
| 1983 | бумага/акварель | 10x11 | из коллекции семьи художника

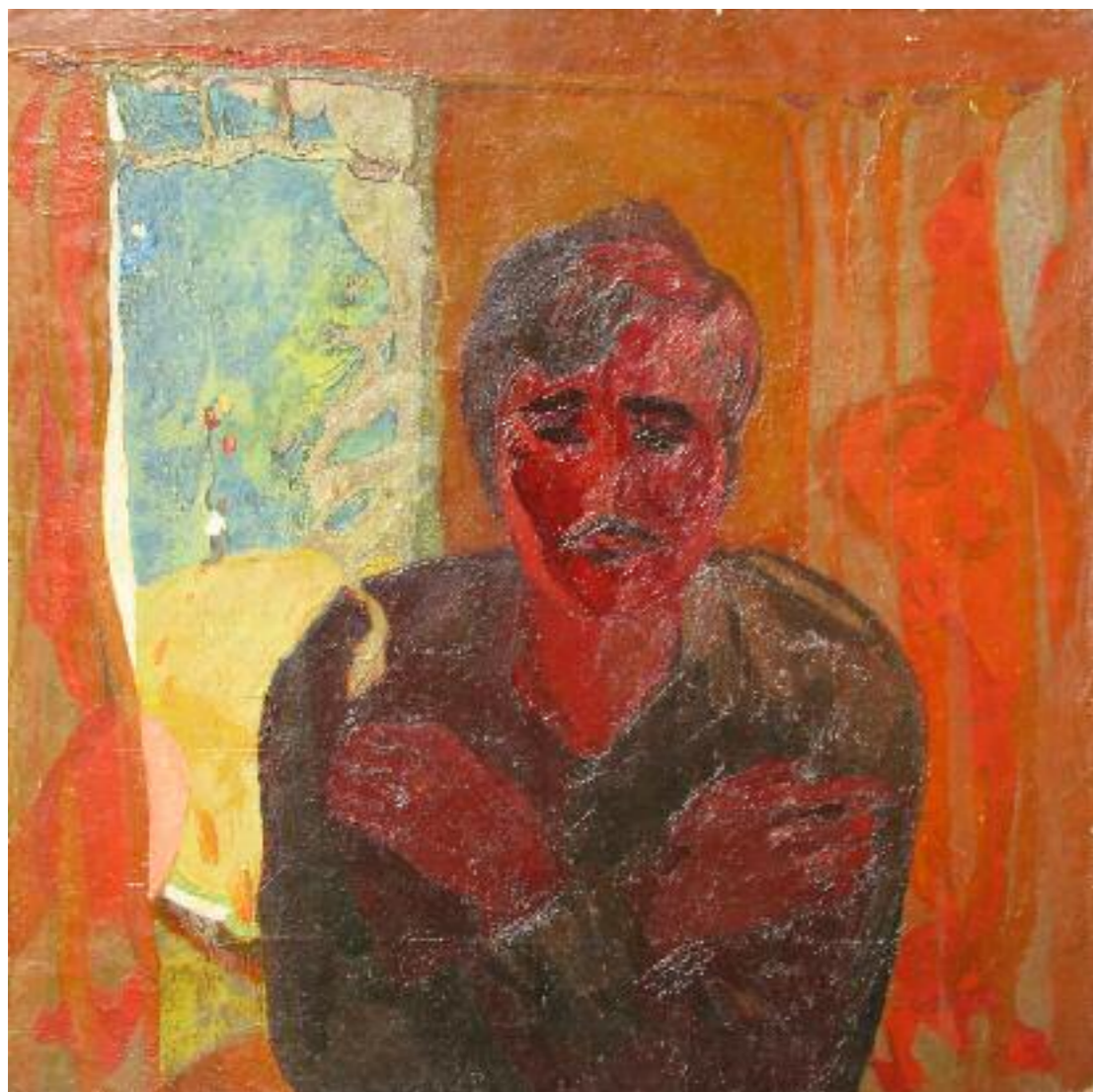
Без названия
| 1993 | бумага/акварель | 19,2x13,5 | из коллекции семьи художника

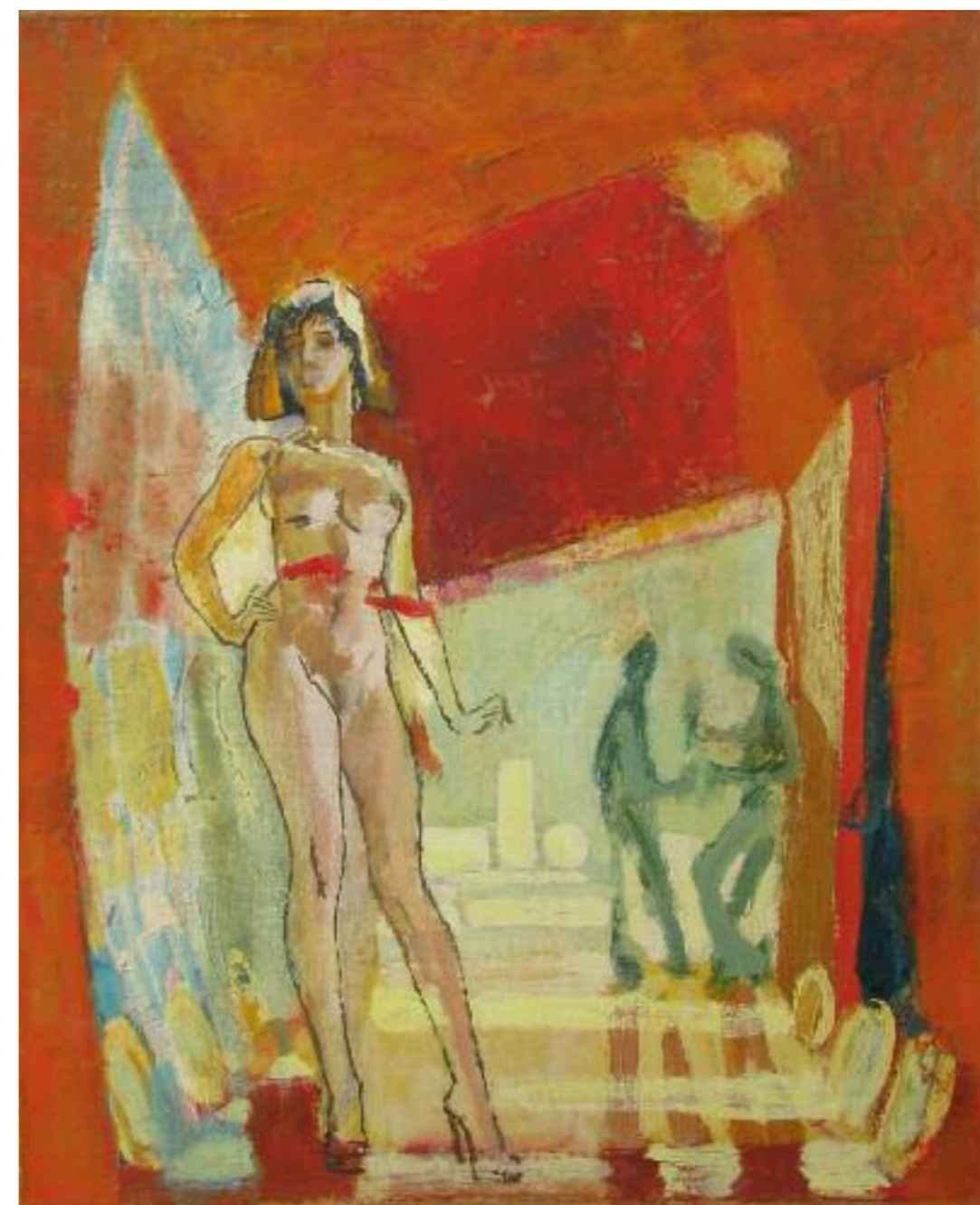
Без названия
| 1987 | бумага/акварель | 16x11 | из коллекции семьи художника

Без названия
| 1980 | бумага/акварель | 14,5x9,5 | из коллекции семьи художника

Воспоминание
| 1966 | холст/масло/фанера | 81,5x81 | из коллекции семьи художника

На подиуме
| 1991 | холст/масло/темпера | 73,5x60 | из коллекции семьи художника

Люди и зеркала
| 1961 | холст/масло/темпера | 55x72,5 | из коллекции семьи художника

Обнаженная с шаром
| 1988 | холст/масло/темпера | 41x44 | из коллекции семьи художника

Без названия
| картон/масло | 49,5x32 | из коллекции семьи художника

Без названия
| 1991 | картон/масло | 41,5x24,5 | из коллекции семьи художника

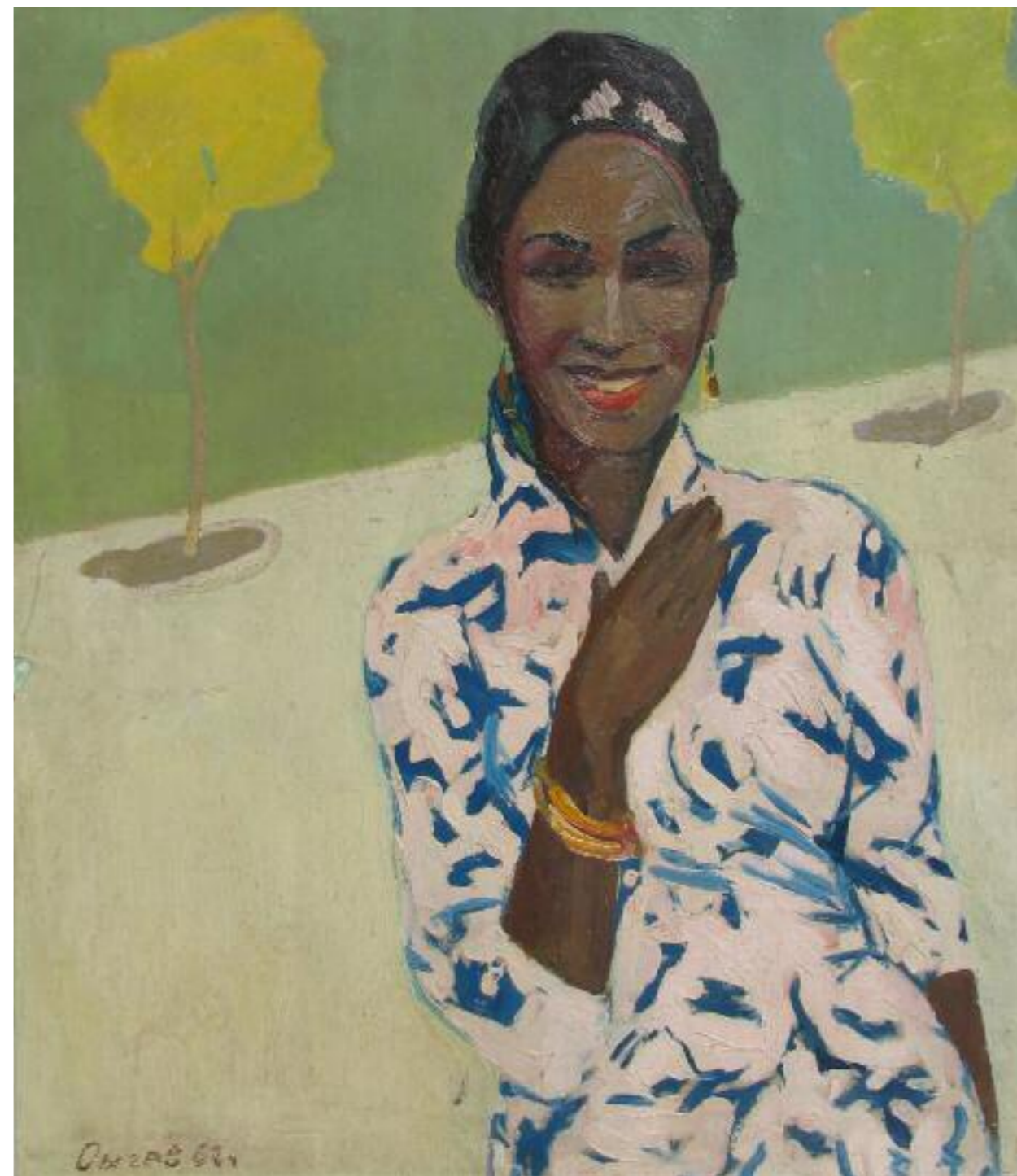
Натюрморт
| 1956 | картон/масло | 50x42 | из коллекции С. Боголюбова

«В «Красном»
| 1975 | картон/масло | 33x28 | из коллекции семьи Верник

Портрет жены
| 1964 | картон/акварель | 40x55 | из коллекции семьи Верник

Без названия
| 1967 | картон/масло | 70x80 | из коллекции семьи Недраец

Без названия
| картон /масло | 24x31 | из коллекции семьи Недранец

Китаб
| 1963 | холст/масло | 40x60 | из коллекции В. Хандерса

К свободе
| 1965 | картон/фанера/масло | 36x46 | из коллекции семьи художника

Энергия юности
| картон/масло | 48x58 | из коллекции семьи художника

В Одессе осень
| 1989 | холст/масло | 78x54 | из коллекции А. Дымчука

Лучи
| 1993 | фанера/картон/масло | 25x46,5 | из коллекции семьи художника

Станислав Сычев

(1937-2003)

Родился в Одессе.

В **1960 г.** закончил Одесское художественное училище им. Грекова (педагог Д.М. Фрумина).

1961-63 г.г. жил и работал в Узбекистане

1967 г. – совместно с Валентином Хрущом провел первую в СССР несанкционированную выставку - заборная выставка «Сычик + Хущик».

В **60-х-80-х** годах постоянный участник «квартирных» выставок и других акций нонконформистов Одессы, Москвы и Ленинграда.

1979 г. – принимал участие в неофициальной выставке «Современное искусство из Украины» (Мюнхен-Лондон-Париж-Нью-Йорк).

1989 г. – международное биенале «Импреза» (Ивано-Франковск)

1989-1994 г.г. – персональные выставки в Одессе

Является одним из первых одесских художников послевоенного периода, работа которого была выставлена и продана на аукционе Сотби.

Работы экспонируются в Одесском художественном музее, Музее современного искусства Одессы, коллекции Нортон Доджа (Zimmerli Museum (США), а также хранятся в престижных частных коллекциях.

Одесса, Сабанский пер. 4-а
тел.: +38 (0482) 34 36 44
e-mail: msio2008@rambler.ru

При поддержке АБ «Південний»